На горное пастушье селение опустилась ночь. При полном безветрии шел дождь — морось сыпалась на землю, будто там, наверху, кто-то просеивал ее через самое мелкое сито. Горцы — народ осторожный. Несколько человек кружком сидели около почти не дающего света костра: пастухи неспешно трапезничали и, как водится, травили невероятные байки. В выложенном камнем углублении, потрескивая, горели вертикально установленные поленья, над костром отражателем лежала массивная каменная плита.

Сочно пахло жареным мясом и теплым хлебом.

Отблескам костра еще удавалось кое-как освещать обувь пастухов, остальное же захватили дрожащие тени. На два-три шага от этого слабо освещенного места в кромешной мокрой темноте чувствовалось беспрерывное движение, сверкали огоньки глаз, сквозь тишину прорывался короткий скулеж.

— Да дай ты им уже. А то не ровен час в такую-то хмарь ягненка подрежут, — бросил один из пастухов.

— Белоглазый! — позвал немолодой горец. В пятно света заскочило что-то большое, лохматое, клыкастое, с необычными бесцветными глазами, а за ним подступило еще несколько смутных теней. Получив свою долю, предупредительно погавкивая, отарники снова растворились во тьме, будто их и не было.

— Работать! Работать! — подбодрили их хозяева. Пастухи не беспокоились: их собаки были хорошо обучены.

Но тут небе зашумело, словно застрекотал ливень, собаки истошно залаяли.

Горцы подобрались, насторожились. Кое-кто вскочил с места. Но псы почти мгновенно утихли, и шум прекратился.

— Что это было? Мне показалось, что-то огромное пролетело у нас над головами, — раздался удивленный голос, перебиваемый лишь потрескиванием костра.

— Кто его знает, — беспокойно повел плечами немолодой горец, — в наших горах всякое бывает.

И все они уставились в одну точку — туда, где на горизонте забрезжил рассвет. Будто как раз для того, чтобы осветить силуэт огромного, опускающегося на землю, дракона.

Приземление у этой твари получилось, как и весь полет, с дерганием, тряской, переворотами и падением. Дракон спикировал к земле, закрутился волчком, отчего сидящие на его спине пассажиры мучительно вцепились в седла. Потом так же резко выровнялся.

И, садясь, ударился о землю. Да так, что Шестипалому показалось, будто его желудок едва не выскочил через горло. Вдобавок он сильно прикусил язык.

Некромант с трудом отдышался и медленно, боязливо сполз с ящера, встав на дрожащие от испуга ноги. Таким беспомощным он себя не чувствовал очень давно. Его колотило, мутило, беспричинно тряслись руки.

В нескольких метрах от него выворачивало наизнанку стоящего на четвереньках мальчишку-помощника. От этого зрелища магу стало еще хуже, да так, что он собрался уже прервать жизнь скудоумного! Но тут вмешался треклятый поводырь:

— Господин Маг, глотните, — юноша протянул фляжку.

— Что это? — недоверчиво выдавил из себя Шестипалый, его мутило.

— Господин маг, это бальзам поводырей. Он поможет.

В таком состоянии Шестипалый был готов выпить даже мочу дракона, лишь бы избавиться от тяжести в желудке. Трясущимися руками он схватил фляжку, будто утопающий спасительный шест.

Глоток.

И в голове его прояснилось, земля перестала кружиться перед глазами.

Второй глоток, и жизнь стала возможной. «Пожалуй, я убью его чуть позже», — благосклонно решил Шестипалый. Тем временем его ученик стараниями расторопного поводыря также оживал.

— Сколько надо времени на охоту и восстановление? — обратился некромант к юноше, уже помогающему обустроиться и разжечь костер.

— Три-четыре луны, Господин.

Шестипалый задумался: «Должен успеть».

— Тогда можешь быть свободен, — приказал он. — Через четыре луны будь здесь. Полностью готовым. Если меня не окажется на месте, порыскай над горой, я подам знак.

— Слушаюсь, господин! — расплылась в улыбке юность.

Шестипалый едва успел присесть на камень, как ящер уже взмыл в утреннюю лазурь. «Пожалуй, если он не увидит лишнего — оставлю в живых». Адепту черной магии, сидевшему и наблюдавшему за дерганым полетом удаляющегося дракона, едва не задевающего макушки деревьев, была по вкусу подобная расторопность.

Из-за спины раздался голос его мальчишки:

— Хозяин, ваш завтрак, — вышколенный слуга знал, что надо всесильному. Красное вино из подвалов императора, изысканная, сдобренная специями буженина и разогретый хлеб с пахучим крестьянским маслом окончательно привели его в чувство.

Вытерев губы белоснежным платком, услужливо поданным слугой, Шестипалый вальяжно развалился и приказал:

— Приступай к поискам. — Строго предупредив: — И без расточительства!

http://tl.rulate.ru/book/15400/308320